

АЛЕКСАНДРОВЫ А. Л. и Л. А. — ПЕШКОВО Е. П.

АЛЕКСАНДРОВ Александр Логинович, родился в 1874 в Петербурге. Получил высшее юридическое образование, с 1905 по 1918 — служил мировым судьей. После революции работал в системе образования, в 1934 — вышел на пенсию. Женат на Александровой Лидии Аркадьевне. 21 марта 1935 — арестован, 23 марта лишен права проживания в Ленинграде как социально-опасный элемент на 5 лет (-15). Поселился с женой в Куйбышеве, в пенсию отказано, на работу не принимают как ссыльного.

В мае 1935 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Лидия Андреевна Аркадьевна, жена Александра Логиновича.

<30 мая 1935>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Будьте такой доброй, не откажитесь рассмотреть наше дело и помочь нам. Я обращаюсь к Вам, находясь в полном отчаянии: работы здесь нам не дают, пенс*ий* тоже не дают (хотя обещали), деньги, вырученные от продажи вещей — вышли, не знаю, что с нами будет дальше. Я не могу видеть, как мои близкие будут пропадать с голоду, я этого не выдержу. Поэтому пытаюсь писать Вам (говорят, Вы многим помогли). Муж мой не знает, что я пишу, прошу поэтому и Вас вовсе не упоминать об этом.

Извиняюсь за беспокойство.

С глубоким уважением

Лид*ия* Арк*а*дьевна Александрова.

30/V-1935 г*ода*».

Мой муж не хочет упоминать о некоторых фактах из его работы как Мирового Судьи, а я их сообщу только Вам: 1) дело газеты "Товарищ" по обвинению ее редактора Ходского (около 1906 г*ода*), которому он в пору начавшейся реакции вынес оправдательный приговор. 2) Дело 1400 человек рабочих Трубочного Завода (около 1908 г*ода*), которые объявили забастовку, и которых он оправдал, а Мировой Съезд признал потом забастовку законной»¹.

В июне 1935 — в ПКК обратился за помощью Александр Логинович Александров, попросив передать свое заявлением в соответствующие органы власти.

<4 июня 1935>

«Александра Логиновича
Александрова

Заявление

25-го марта с*его* г*ода* (после безрезультатного обыска и трехдневного ареста) я был приглашен в НКВД (ул*ица* Воинова, 27) и там через сотрудника т. Соловьева мне было объявлено, что "мне придется на 5 лет покинуть Ленинград, выбрав себе местожительство — 15". Вместе со мной предложено было уехать и моей жене Лидии Аркадьевне Александровой.

Так как для ликвидации всех моих дел и имущества в городе, где я прожил 61 год, мне было дано 5 дней, то спорить было некогда, и я, выбрав Самару, выехал в назначенный срок, распродав за бесценок всю

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1385. С. 139. Автограф.

мою обстановку. В Самаре уже от местных органов НКВД, прочитавших мне текст постановления о моей высылке, я узнал, что я считаю "социально-опасным элементом", как бывший Мировой Судья.

Как само постановление, так и мотив его я считаю в корне неправильным и основанным на недоразумении, а потому не могу не обжаловать его перед вышестоящими организациями.

По происхождению я — сын крепостного крестьянина (отец умер в 1889 году). По занятию до революции — С<анкт->П<етербургский> Стол<бовой> Мир<овой> Судья с 1905-1918 год. Жена моя — дворянка, окончившая Педагогические курсы, и всю жизнь была школьной учительницей. Жили мы всегда на свой заработок и посторонних доходов никаких не имели.

Мое занятие — должность Мирового Судьи я выбрал именно и исключительно потому, что Мировой Институт в дореволюционное время был единственным учреждением, совершенно независимым от правительства, и давал возможность работать, считаясь только со своею совестью. Всякое другое учреждение более или менее зависело от даваемых ему директив, и единственным вполне независимым был именно Мировой Институт, принадлежность к которому мне так странно инкриминируется. Что этот Институт был всегда бельмом на глазу у дореволюционного Правительства, это факт общеизвестный, а потому преследование Мировых Судей в той или иной степени Советским Правительством я не могу считать ничем другим, как явным недоразумением и самым недопустимым перегибом. Не знаю, известно ли НКВД, что Мировые Судьи, не считаясь с возможными для них последствиями, участвовали в забастовке и подавали официальный коллективный протест, присоединяясь к требованиям всей революционной части О<бщест>ва в Октябре 1905 года. Подробные данные об этом факте можно почерпнуть в Издании "Мировой Суд за 50 лет" (изд<ание> 1916 г<ода>). Таков был Мировой Институт в целом, поскольку он уцелел до 1918 года в 7 городах.

Что касается до меня лично, то, во-первых, в архивах Съезда можно найти несколько дел, которые достаточно ярко рисуют мое мировоззрение, а кроме того, и остальная моя общественная работа также характеризует меня, как человека, который мог считаться социально опасным до революции и уж никоим образом не может рассматриваться как таковой после нее. Политикой, правда, я никогда не занимался, потому что не считал себя компетентным в этой области. Я выбрал для себя работу в области культурно просветительной и думаю, что здесь у меня перед революцией имеются кое-какие "заслуги". На выдержку укажу только нижеследующие:

В 1905 году мною совместно с двумя другими судьями было основано "1-ое Нарвское О<бщест>во Образования для рабочих за Нарвскою заставою". Через 1½ года О<бщест>во было закрыто полицией.

С 1906 года и по день его закрытия, опять-таки по политическим соображениям, я был членом Правления и Секретарем Лиги Образования, которая насаждала такие же О<бщест>ва Образования по всей России.

С 1907 года по 1913 я был Председателем Родительского Комитета 10-й гимназии. За время моего председательства разразилась так называемая Витмеровская история, где оказались замешаны 6 учеников гимназии, в том числе известный впоследствии Рошал, Леонид Александров и другие. В архиве гимназии можно найти следы моего участия в ликвидации этого дела, благодаря которому пять человек из замешанных учеников не пострадали совсем, и только одному пришлось уйти и то без всякого порочащего документа. В других гимназиях дело это кончилось гораздо печальнее.

Мне очень неприятно упоминать об этих фактах, как о каких-то "заслугах" с моей стороны, потому что я их за заслуги никогда не считал, но, поскольку со мною обращаются, как с какой-то черною сотнею, не позаботившись даже предварительно узнать, что я из себя представляю, я считаю своею неприятною обязанностью напомнить об этих фактах.

После революции я опять-таки не переставал работать ни на один день на тех должностях, которые занимал, и ни разу за 18 лет ничем не вызвал никакого на себя нареkania. Поэтому я никак не могу перенести молча, как должное и заслуженное, мою высылку из Ленинграда, хотя бы и – 15, и считаю необходимым добиваться ее отмены.

Практически возврат в Ленинград для меня вряд ли возможен, потому что я там больше не имею ни площади, ни средств, ни какой-либо обстановки, но на праве моем возвратиться туда я настаиваю также, как и на возврате мне и моей семье отобранных от меня Ленинградских паспортов.

Очень прошу в интересах и справедливости, и целесообразности вникнуть в мое дело, проверить все сказанное, что нетрудно сделать, так как на это существуют документы и живые свидетели, и восстановить меня в прежнее положение, независимо хотя бы от всего того ущерба и тяжелых переживаний, которые я и моя семья перенесли.

А. Александров

4/VI-35 г<ода>.

Куйбышев 2, ул. Володарского, 5»².

В 1941 — Александр Логинович Александров был арестован в ссылке, приговорен к новой высылке и отправлен в село Петровку Трицкого района Алтайского края³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1385. С. 133-136. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1447. С. 315. «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.